

Винтер Дж., Прост А.

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ: ДИСКУССИИ И СПОРЫ,
С 1914 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. (Реферат)***

Winter J., Prost A.

**The Great War in History: Debates and Controversies,
1914 to the Present – Cambridge etc.: Cambridge univ. press.,
2005. – VIII, 250 p.**

В общем ряду исторических дисциплин военная история, тесно связанная с историей техники, а также с военной наукой (анализ опыта прошлых войн как один из источников для дальнейшего развития военного искусства, наряду с теоретическими изысканиями на основе анализа современной ситуации), занимает несколько обособленное положение. Тем не менее эта область в последние годы довольно активно осваивается специалистами по социальной и культурной истории, изучающими не только социокультурные аспекты самих вооруженных конфликтов, но и влияние таких конфликтов на общество и культуру вовлеченных в них стран. Результаты подобных исследований представлены, в частности, в издаваемой в Кембридже серии «Труды по социальной и культурной истории современной войны» («Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare»), в рамках которой опубликована и реферируемая монография Джея Винтера (Йельский университет, США) и Антуана Проста (Университет Париж-1), посвященная историографии и, шире, исторической памяти о Первой мировой войне. Структура книги выстроена по тематическому принципу и состоит из введения и девяти глав, в семи из которых рассматриваются различные аспекты глобального конфликта 1914–1918 гг. в представлениях трех поколений историков, литераторов и кинема-

* Реферат перепечатывается из сборника ИНИОН РАН, подготовленного по гранту РГНФ «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», проект № 13-01-00061, 2013–2014 гг.

тографистов, главным образом немецких, французских и британских. Авторы анализируют не только исследования по военной истории и истории дипломатии, но и различные социальные и культурные интерпретации описываемых событий.

Как отмечается во введении, за десятилетия, прошедшие с момента окончания Первой мировой войны, в мире изданы десятки тысяч посвященных ей работ – научных, популярных и публицистических; даже для того, чтобы всего лишь прочитать эти тексты, не хватит человеческой жизни. В то же время серьезных историографических исследований с целью как-то систематизировать этот корпус литературы, выявить основные направления, школы, тенденции развития, до сих пор не предпринималось. Именно это и составляет основную цель работы Дж. Винтера и А. Проста.

В книге рассматривается историография событий 1914–1918 гг., хода Первой мировой войны и ее непосредственных последствий. Авторы анализируют главным образом франко- и англоязычную литературу, а также немецкую и некоторые итальянские работы. За рамками исследования остались исторические школы стран, возникших на месте Австро-Венгерской империи, российская историография, а также исторические изыскания в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Чтобы глубже понять изучаемую проблематику, авторы не ограничиваются трудами профессиональных историков (хотя и отдают им предпочтение) и привлекают также работы, написанные в рамках других научных дисциплин, мемуарную литературу и, наконец, любительские исследования. Поскольку «в большинстве книг с заглавием “история войны” обычно рассматриваются ее политические, дипломатические или собственно военные аспекты» [с. 3], они анализируют не только специальные работы, посвященные Первой мировой войне, но и сочинения с более широким тематическим и хронологическим охватом, в которых затрагиваются интересующие их вопросы. Особое внимание в монографии уделяется сравнительному анализу национальных историографических традиций. В предисловии к английскому изданию авторы отмечают, что история Первой мировой войны «целиком и полностью многонациональна и многоязычна, и тем не менее ученые по-прежнему отделены друг от друга не только языковыми барьерами», но и более глубокими различиями в теоретических концепциях и методологических подходах [с. VII]. В своей книге они попытались преодолеть, хотя бы частично, это разделение.

Первые попытки осмыслить феномен Первой мировой войны были приняты еще до того, как замолчали пушки. Эта работа продолжилась и после окончания боевых действий. Фактически до начала 1960-х годов историей конфликта занимались главным образом очень немногочисленные профессиональные ученые. В методологическом отношении этот период харак-

теризуется тем, что история войны изучалась по преимуществу «сверху», исследователей интересовали прежде всего политические, дипломатические и стратегические вопросы. Социальная и экономическая история, не говоря уже о культурной истории и истории повседневности, оставались вне их поля зрения; в качестве исключения, подтверждающего правило, авторы указывают на книгу Э. Халеви «Мировой кризис 1914–1918 гг., интерпретация»¹. Огромный пласт солдатских воспоминаний и дневников, наиболее активно публиковавшихся в первые годы после окончания войны и в 1928–1934 гг., также не привлек внимания профессиональных историков, поскольку ценность этих произведений для науки еще не была осознана. Единственной попыткой их источниковедческого анализа стала работа Ж.Н. Крю «Свидетели»², однако идеи автора не нашли понимания у его коллег, в чьих книгах по-прежнему речь шла «о войне в большей степени, нежели о войнах» [с. 15].

Ситуация начала меняться на рубеже 1950–1960-х годов. Тому было несколько причин, среди которых – опыт Второй мировой войны и последующих вооруженных конфликтов, расширение круга доступных источников (в 1960-е годы были, в частности, открыты военные архивы в связи с истечением 50-летнего срока секретности) и численный рост образованных слоев населения, следствием которого было, с одной стороны, скачкообразное увеличение количества профессиональных историков, с другой – не менее резкий рост интереса к истории среди читающей публики. Поскольку история, таким образом, стала пользоваться спросом, появился обширный рынок научно-популярных произведений, включая не только книги, но и, к примеру, телепередачи. Все эти факторы в совокупности, а также заметное в то время марксистское влияние, способствовали значительным изменениям как в исследуемой проблематике, так и в методологии. Доминирующими направлениями стали социальная и экономическая история Первой мировой войны, а одним из центральных вопросов историографии – взаимосвязь между войной и революцией (в Германии – также роль прусского империализма и милитаризма в генезисе нацистского движения), тогда как в 1920–1930-е годы наиболее болезненным был вопрос о виновниках войны. Дипломатическая история отодвинулась на второй план и, кроме того, тоже пережила определенную смену парадигм: если в предшествующий период исследователей интересовали прежде всего истоки конфликта, то теперь большее внимание уделялось изучению целей воюющих держав и шире – тех явных и скрытых мотивов, которыми руководствовались отдельные политики, ответственные за развязывание войны. Это не отменяло исследований в области собственно

1. Halévy E. *The world crisis of 1914–1918, an interpretation.* – Oxford: Clarendon press, 1930.

2. Cru J.N. *Témoins.* – P.: Les Etincelles, 1929.

военной истории, но образ Первой мировой войны в целом сделался гораздо более сбалансированным и более многогранным.

Следующая смена парадигм произошла на рубеже 1980–1990-х годов, причем исключительно быстро и без сопутствующей смены поколений ученых, как в предыдущем случае. Авторы считают ее началом современного этапа в развитии историографии Первой мировой войны, на котором центральным направлением исследований стала культурная история. Причинами такого сдвига были крушение коммунистических режимов, приведшее к разочарованию в марксизме в целом с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере, и тот исторический опыт, который был накоплен человечеством на протяжении XX столетия и породил новые «вопросы» к прошлому. Если в 1920–1930-е годы Первая мировая рассматривалась как последняя война, а в 60-е – уже как первый этап своеобразной новой Тридцатилетней войны, то для поколения 90-х годов она стала в определенном смысле началом и фундаментом «короткого» XX в. с его беспрецедентной жестокостью, первым шагом на пути к Холокосту и преступлениям сталинского режима. Нарастающая глобализация порождает кризис идентичности, что, в свою очередь, стимулирует широкий интерес к исторической памяти – не только национальной, но и семейной. Авторы отмечают также, что для новых поколений, живущих в относительно благополучном обществе потребления, опыт участников и современников войны 1914–1918 гг. во многом является уже чем-то чужеродным и непостижимым. В этих условиях интересы исследователей сместились к таким новым областям, как история искусства, науки, медицины, литературы, включая вопрос о том, какое влияние на эти сферы оказала война. Активно изучается история повседневности, предметом исследования стали представления, чувства, эмоции людей, вынесших на себе тяготы войны. Выходят новые работы и по дипломатической, военной, социальной и экономической истории Первой мировой войны, но теперь в изучении этой проблематики также учитывается культурный фактор.

Основная часть книги (главы 2–8) посвящена эволюции отдельных предметных областей в историографии Первой мировой войны. Материал излагается в той очередности, в которой происходила смена акцентов при переходе от одной исследовательской парадигмы к другой: сначала дипломатическая история (глава 2) и военная история, точнее, ее раздел, посвященный процессам, протекавшим на оперативно-стратегическом уровне (глава 3), важнейшие направления исследований в 1920–1930-е годы, затем история окопной войны (глава 4), военной экономики (глава 5) и рабочего класса (глава 6), выдвинувшиеся на первый план в 1960-е годы, и, наконец, исследования процессов, протекавших в тылу (глава 7), а также исторической памяти (глава 8) – наиболее перспективные направления с точки зрения современной парадигмы.

В дискуссиях 1920–1930-х годов о политической истории Первой мировой войны центральным был вопрос об ответственности за развязывание конфликта. Статья 231 Версальского договора возлагала на Германию и ее союзников ответственность за ущерб, понесенный в ходе войны странами Антанты, что часто воспринималось (и самими немцами, и их недавними противниками) как попытка объявить Германию виновником войны в целом, что для немцев было категорически неприемлемо. Некоторые из английских и французских историков со временем также вынуждены были признать, что и страны Антанты несут свою долю ответственности за то, что июльский политический кризис 1914 г. закончился войной (Россия поторопилась с объявлением всеобщей мобилизации, Великобритания не обозначила заранее и максимально отчетливо свою позицию относительно нейтралитета Бельгии и т.д.). Эта тенденция обозначилась уже в 1930-е годы.

Хотя споры об истоках Первой мировой войны и отличались тогда заметной политизированностью, историки предпринимали попытки преодолеть эту ситуацию. Их задача отчасти облегчалась тем обстоятельством, что сама война уже закончилась и хотя бы в какой-то мере перестала быть вопросом текущей политики – в отличие, скажем, от Версальской системы. Многие французские историки стремились кроме того разграничить те вопросы, для исследования которых в их распоряжении уже имелась достаточная документальная база, и те, которые приходилось признать неразрешимыми за недостатком источников. Американские историки чувствовали себя свободнее, чем их европейские коллеги, и старались рассматривать историю войны 1914–1918 гг. с позиций третьей стороны.

В 1960–1980-е годы круг исследуемых проблем и используемых источников значительно расширился, дипломатическая история кризиса 1914 г. и Первой мировой войны трансформировалась в более многоаспектную историю международных отношений, были предприняты попытки рассмотреть не только непосредственные причины конфликта, но и более глубинные факторы, включая экономические и внутривнутриполитические. К этому добавился вопрос о взаимосвязи между Первой и Второй мировыми войнами. Позже, уже в рамках культурной истории, стали изучаться культурные истоки европейского конфликта, включая представления, предубеждения, стереотипы и системы ценностей, бытовавшие в различных странах в начале XX в., как в политических кругах, так и среди простых граждан. Любопытно, что Первая мировая война в представлении историков и их читателей трансформировалась таким образом из преступления (понятие, подразумевающее необходимость найти и наказать виновника) в трагическую ошибку, причины которой требуется уяснить. «В этом историографическом контексте, – отмечают авторы, – мы вновь наблюдаем бесконечный диалог между свободой и необходимостью в делах человеческих» [с. 57].

В историографии боевых действий, стратегического управления, отношений между политическим и военным руководством в годы Первой мировой войны авторы выделяют три этапа. В межвоенный («героический») период боевые действия рассматривались в основном в категориях XIX столетия. На этой стадии изучение военной истории носило отчетливо национальный характер, серьезных попыток проанализировать ход войны в целом еще не было, преобладающим жанром оставались официальные истории отдельных стран (армий) или соединений. Определенное внимание уделялось также истории крупнейших сражений и операций 1914–1918 гг., но и в таких работах речь шла в основном о действиях армии той страны, в которой жил автор; даже действия союзников в той же операции рассматривались вскользь.

В 1960–1970-е годы значительно расширился доступ к архивам, а в исторической науке участников войны сменило новое поколение исследователей. На данном этапе на первый план выдвинулся вопрос о действиях командования в непривычных условиях индустриальной войны. В этот же период вышла, в частности, и монография Н. Стоуна «Восточный фронт»³ – первое крупное исследование участия России в Первой мировой войне. В 1980–1990-е годы, когда доминирующим направлением стала культурная история, специалистам по «традиционной» военно-исторической проблематике, по-прежнему занимающим относительно обособленное положение в научном сообществе, в некотором смысле пришлось доказывать, что интересующие их вопросы все еще сохраняют свою актуальность. Военная история стала даже более политизированной, чем в предшествующий период, а национальные школы остаются все такими же разобщенными. Представители данного направления отличаются изрядным консерватизмом, что сказывается и на качестве их работ, в которых до сих пор преобладает тенденция к изолированному рассмотрению отдельных командиров или армий. Как следствие, даже анализ боевых действий оказывается однобоким, поскольку в действительности война – это всегда двусторонний процесс. «Интернациональной истории сражений, – заключают авторы, – в которых участвуют люди по обе стороны фронта, сталкивающиеся с проблемами и затруднениями одного и того же рода, еще предстоит быть написанной» [с. 81].

Повседневный опыт простых солдат в межвоенный период практически не изучался профессиональными историками – главным образом из методологических соображений, поскольку научная история в те годы ассоциировалась прежде всего с изучением макроисторических процессов. Тем самым одно из важнейших отличий Первой мировой от предшествующих войн – ее массовый характер, по сути, осталось вне поля зрения исследователей.

3. Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917*. – N.Y.: Scribner, 1975.

В широких читательских кругах существовал запрос, и довольно сильный, на информацию такого рода – современников, не принимавших непосредственного участия в боях, интересовало, «как это было» и «как это выглядело», – но этот запрос удовлетворялся обширной мемуарной и художественной литературой; профессиональные исторические труды интереса не вызывали.

Предметом научного анализа индивидуальный фронтный опыт участников Первой мировой войны стал в 1970-е годы в Великобритании и в 1980-е – во Франции. Такие исследования были тесно связаны с социальной историей – изучалось, к примеру, влияние культуры рабочего класса на поведение солдат на фронте; в рамках этого направления был написан, в частности, двухтомник А. Уайлдмена «Конец русской царской армии»⁴. Для английских исследователей характерно особое внимание к проблеме жестокости на войне, тогда как во французской историографии, особенно с начала 2000-х годов, активно обсуждается вопрос о мотивации солдат, о соотношении согласия и принуждения. Любопытно, что начало этих изменений совпало по времени с приходом в профессию молодых историков, не принимавших участия в мировых войнах, и с нарастающей в Европе тенденцией к неприятию насилия, в том числе и повседневного. Новым поколениям европейцев стало труднее понимать реалии начала XX в. Изучение социальной и культурной истории войны 1914–1918 гг. продолжается и в настоящее время; авторов, однако, беспокоит то обстоятельство, что ученые, занимающиеся этими вопросами, часто тяготеют к широким обобщениям, хотя в действительности повседневность окопной войны отличалась значительным разнообразием.

В изучении экономической истории Первой мировой войны также можно выделить три этапа. В межвоенный период исследовалась главным образом экономическая политика воюющих держав. При этом ключевое значение в объяснении хода и результатов глобального противоборства придавалось собственно военному фактору, так что экономическая история играла скорее вспомогательную роль. Любопытно, что и занимались ею в это время в основном экономисты, а не историки. Опыт 1914–1918 гг. был использован в развитии экономической теории и экономической политики в 1920–1930-е годы, в том числе при разработке планов экономической мобилизации в преддверии Второй мировой войны.

В 1960–1970-е годы фокус переместился на отношения между деловыми кругами, наукой, государством и военными, иными словами, на формирование и функционирование того, что позже будет названо военно-промышленным комплексом. Именно в этот период экономический фактор

4. Wildman A. *The end of Russian Imperial Army*. – Princeton: Princeton univ. press, 1980. – Vol. I: *The old army and the soldiers' revolt (March-April 1917)*; Vol. II: *The road to Soviet power and peace*.

начал рассматриваться как одна из решающих причин поражения Центральных держав. Для последних же десятилетий характерен многоаспектный анализ экономики противоборствующих сторон, объединяющий предыдущие два подхода. Открытым остается вопрос о соотношении между негативными и позитивными последствиями глобального конфликта для мировой экономики, а также об экономических причинах победы стран Антанты.

Историографии рабочего класса авторы посвящают самостоятельную – шестую – главу своего труда, отдельно от следующей за нею седьмой главы, где рассматривается историография гражданского населения в целом. История рабочего вопроса тесно связана с историей революционного движения, а значит, и с проблемой взаимосвязи между войной и революциями в России и ряде европейских стран, поэтому данной проблематике посвящен самостоятельный и довольно обширный круг литературы. Этот раздел историографии Первой мировой войны развивался несколько иначе, чем другие. Вплоть до середины 1960-х годов доминирующим подходом был политический (история рабочего движения). Ситуацию не изменило даже распространение марксистских идей после окончания Второй мировой войны, поскольку их приверженцы так же, как и их предшественники, больше внимания уделяли политической истории и истории идеологии, а не экономике и социальным процессам. Социальный подход, т.е. собственно история рабочего класса в точном смысле слова, выдвинулся на первый план довольно поздно, а в 1990-е годы разочарование в коммунистической идее, последовавшее за крушением советского блока, вкупе с кардинальными переменами в структуре западных обществ на переходе от индустриальной эпохи к постиндустриальной, привели к свертыванию исследований по истории рабочих, так что культурно-историческая парадигма в данной области представлена пока лишь весьма поверхностно и фрагментарно.

Что касается истории тыла в целом, то на протяжении 1920–1930-х годов она вызывала среди исследователей лишь весьма ограниченный интерес и занимала второстепенное положение по сравнению с историей событий на фронте. Наиболее активно изучалась внутренняя политика воюющих держав: мобилизация, пропаганда, снабжение продовольствием и т.д. После того, как в 1960-е годы возобладали социологический подход, основным предметом исследования стало влияние войны на социальные конфликты, кульминацией которых стали революции в Германии, Австро-Венгрии, России и Турции.

В 1980-е годы произошел переход к культурно-исторической парадигме, как и в других разделах историографии Первой мировой войны, и кроме того завершилось отмежевание культурной истории, как дисциплины, изучающей представления и практики широких слоев населения, от интеллектуальной истории, сфокусированной главным образом на элитарной культуре. В современных исследованиях по истории тыла в 1914–1918 гг. авторы выде-

ляют два основных направления: исследования материальной культуры, т.е. условий и способов выживания в экстремальной обстановке тех лет, и работы, посвященные так называемой культуре войны. Последнее понятие охватывает довольно широкий круг социокультурных практик, нацеленных на адаптацию к непривычным условиям военного времени. В рамках этого же направления исследуются и такие вопросы, как поддержка войны обществом, мотивации солдат и гражданского населения. Подобный подход, помимо всего прочего, позволил историкам преодолеть существовавшее в литературе предшествующих лет своеобразное разделение между фронтом и тылом: в современной историографии значительное внимание уделяется настроениям, представлениям и особенностям поведения, общим для солдат и гражданского населения. Важное значение на современном этапе приобрело также изучение истории женщин на войне. Кроме того, в 1990-е годы, под влиянием событий в бывшей Югославии, в центре внимания вновь оказался вопрос о военных преступлениях, что стимулировало растущий интерес исследователей к проблеме насилия против мирного населения в Первую мировую войну, которая, будучи первой тотальной войной в истории человечества, во многом предопределила специфику вооруженных конфликтов XX столетия, включая систематические нарушения правил и обычаев войны, геноцид и т.д.

Авторы обращают внимание на два существенных пробела в современной литературе по истории гражданского населения в годы Первой мировой войны. Во-первых, вне поля зрения исследователей до сих пор остается повседневный опыт сельских жителей, что совершенно неоправданно, поскольку они составляли весьма значительную часть населения стран – участниц конфликта, а деревенская культура довольно сильно отличалась от городской. Во-вторых, недостаточно изученной в западной историографии остается история Восточного фронта, в том числе и военный опыт мирного населения Восточной и Юго-Восточной Европы.

В эволюции исторической памяти о Первой мировой войне Дж. Винтер и А. Прост выделяют два этапа: до конца 1960-х годов и с начала 1970-х по настоящее время. На первом из них профессиональная историография развивалась довольно изолированно, а образ «Великой войны» в массовом сознании определяли в основном ее участники, благо многие из них были еще живы и пользовались заслуженным авторитетом, как непосредственные свидетели событий. Особую группу составляли те авторы, которые в 1914–1918 гг. занимали высокие государственные и военные должности (У. Черчилль, Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, Э. Людендорф и др.), – их воспоминания по своей информативности были сопоставимы с историческими сочинениями. Известную роль в формировании национальной памяти играла и государственная пропаганда.

Роль научной историографии значительно выросла в 1960-е годы, расширился и круг специалистов, интересующихся Первой мировой войной. Интерес к событиям 1914–1918 гг. распространился за пределами собственно исторических кафедр; важным шагом к формированию такого направления, как культурная история Первой мировой войны, стали работы историков литературы П. Фасселла и С. Хайнса⁵. В англосаксонском мире сказался кроме того недавний опыт войны во Вьетнаме; с появлением первых исследований посттравматического синдрома специалисты, включая и историков, вновь обратились к публикациям предшествующих лет, посвященным феномену военного невроза (*англ.* shell shock – буквально «снарядный шок», т.е. психическая травма, полученная во время артиллерийского обстрела) у участников Первой мировой войны. Историки континентальной Европы занялись этой проблематикой гораздо позже. Для 1980–1990-х годов было характерно активное развитие музеев Первой мировой войны, а также появление многочисленных литературных произведений и фильмов о ней. В формировании массовой памяти о «Великой войне» профессиональные историки, таким образом, по-прежнему остаются в меньшинстве.

Подводя в последней главе итоги своего исследования, авторы констатируют, что научная историография Первой мировой войны до сих пор разделена на многочисленные национальные школы, развивающиеся по преимуществу обособленно. С конца 1980-х годов появляются книги, авторы которых пытаются выработать «общевропейский» взгляд на события 1914–1918 гг., а также тематические сборники статей, подготовленные интернациональными коллективами авторов, но такого рода публикации остаются скорее исключением, чем правилом. Дж. Винтер и А. Прост отмечают, что подобные работы обычно пишутся учеными со стажем, пользующимися известностью в академическом сообществе и имеющими хорошую финансовую поддержку, или при участии таких исследователей. Выход за пределы национальной историографии, таким образом, остается довольно непростой задачей, особенно для молодых историков. При написании учебников глобальный подход, напротив, применяется довольно активно и вполне успешно.

Такое положение во многом обусловлено тесной взаимосвязью самих феноменов войны и нации; к тому же опыт разных европейских стран в Первой мировой войне и его последующее восприятие в этих странах довольно сильно различаются. Что для французов было трудной победой с неоднозначными последствиями, то немцы долгое время воспринимали как свою собственную победу, только упущенную в результате «удара в спину»; как

5. Fussell P. *The Great War and modern memory*. – N.Y.: Oxford univ. press, 1975; Hynes S. *A war imagined: The First World War and English culture*. – L.: Pimlico, 1992; Idem. *The soldiers' tale: Bearing witness to modern war*. – N.Y.: A. Lane, 1997.

следствие, первые серьезные научные работы по истории Первой мировой войны появились в Германии только после ее нового поражения в войне 1939–1945 гг. Среди британских исследователей распространено представление о Первой мировой войне как о бессмысленном конфликте, в ходе которого миллионы жизней были растрacены зря; для французского читателя, к примеру, такая точка зрения еще совсем недавно была бы совершенно неприемлемой.

Играют свою роль и различия в исследовательских традициях. Английской историографии свойственна определенная доля иронии, стремление сохранить дистанцию между ученым и изучаемым объектом. Во французской исторической науке, напротив, силен акцент на поиск причинно-следственных связей, восходящий еще к картезианскому наследию. Даже периодизация истории значительно различается в разных национальных школах, а от принятой периодизации зависит и то, в какой контекст будут помещаться описываемые события. Сказываются также различия в организации архивов в разных странах, в степени сохранности фондов (германские архивы пострадали в результате бомбежек во время Второй мировой войны). Определенное влияние на тематику публикуемых работ оказывают и издатели, преследующие собственные коммерческие интересы. «Национальный характер историографии Великой войны, – констатируют авторы, – очень трудно преодолеть. В нашем распоряжении много книг о нациях в войне. У нас нет истории войны на глобальном уровне. Или, точнее, есть успешные концепции войны, которые едва ли вообще возможно совместить между собой» [с. 199].

Первое поколение историков Первой мировой войны, сформировавшееся в 1930-е годы, во многом исходило из историографической традиции XIX в., отсюда его преимущественный интерес к политической и дипломатической истории. Поскольку феномен войны в этот период осмысливался главным образом в духе Клаузевица («Война есть продолжение политики иными средствами»), история боевых действий рассматривалась «глазами генеральных штабов, с их командной иерархией и генералами» [с. 201]. Отчасти это было обусловлено элитарным характером самого академического сообщества.

Поколение 1960-х годов работало уже в ином контексте. Опыт Второй мировой войны заставил историков серьезно переосмыслить сложившиеся представления о войне 1914–1918 гг., ее природе и последствиях. В новых условиях глобального соперничества между двумя сверхдержавами, обладавшими ядерным оружием, крупномасштабные войны утратили свое прежнее значение как средство решения политических проблем насильственным путем. Следствием этого стала смена целевой аудитории историков Первой мировой войны: во второй половине XX в. они обращались уже не к политикам, а к широкой читающей общественности. Изменилась и сфера их интересов – произошел поворот к социальной истории, истории «снизу». История

боевых действий сохранила свое центральное значение в осмыслении конфликта, но из «истории глазами генеральных штабов» она превратилась в большей степени в историю солдат, комбатантов, которым пришлось вынести на своих плечах основные тяготы войны.

Поколение 1990-х годов формировалось в условиях окончания «холодной войны» и набирающей силу европейской интеграции. Национальное государство утрачивает свое прежнее значение, отсюда дальнейшее снижение интереса историков к политическим институтам. Социальная история продолжает активно развиваться, но теперь ее дополнили методы культурной истории и микроистории. Это относится и к собственно военной проблематике: «В определенном смысле, – замечают авторы, – армия оказалась скрыта за индивидуальным и коллективным образом солдата» [с. 205]. Меняется понимание феномена Первой мировой войны в целом, на смену прежним представлениям о ней как о глобальном конфликте между национальными государствами пришла новая концепция «европейской гражданской войны».

Среди многочисленных интерпретаций Первой мировой войны можно, таким образом, выделить три основных модели. Одной из них была война наций; с этой точки зрения события 1914–1918 гг. могут рассматриваться как логическое продолжение – и завершение – «долгого» XIX в. Такой подход был особенно популярен среди первого поколения историков, рассматриваемого в книге. Он имел различные вариации, которые так или иначе можно свести к трем направлениям: либеральному, с его особым вниманием к роли личности в истории; неомарксистскому, отличавшемуся большим уклоном в сторону социально-экономического детерминизма; и, наконец, «гуманистическому», как его называют авторы «за отсутствием лучшего термина» [с. 207], уделявшего дополнительное внимание судьбам простых людей, на долю которых выпала война.

Во второй половине XX в. описанная парадигма отчасти сохранила свое объяснительное значение, особенно в популярной литературе и учебниках, но в исследовательском сообществе ей на смену пришла другая, в рамках которой война рассматривалась уже как конфликт между обществами. Это позволило значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах – участницах войны, раскрыть связь между войной и последовавшими за нею революциями. Данный подход активно использовался вторым поколением историков Первой мировой войны, особенно в Германии; в британской историографии он представлен менее широко. В некоторых странах он популярен и в настоящее время, например в Италии. Его основной недостаток авторы видят в том, что он в целом отличается большей склонностью к детерминизму, нежели предыдущий, а любой детерминизм по-своему опасен, поскольку

может привести к подмене подлинного анализа упрощенными механистическими формулами.

В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение ученых, с его особым интересом к культурной истории, микроистории, истории повседневности, исследует не «войну наций» и не «войну обществ», а «войну солдат», «войну жертв»; здесь можно проследить некоторые параллели с «гуманистическими» подходами предыдущих десятилетий. Как следствие, наибольший интерес вызывает индивидуальный опыт участников и современников войны, история государственных институтов и социальных групп изучается лишь в той мере, в которой она влияла на этот индивидуальный опыт. Появление подобной парадигмы во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов, общей эскалацией насилия в минувшем столетии.

Авторы подчеркивают, однако, что в их задачи не входило диктовать действующим или будущим исследователям готовые решения, какой из существующих парадигм им следует придерживаться в своей работе. Все описанные подходы имеют свои преимущества и недостатки, разным поколениям людей свойственно задавать различные «вопросы» своему прошлому, и нынешний методологический плюрализм, хотя и приводит к появлению зачастую трудно совместимых концепций истории Первой мировой войны, но зато позволяет ученому применять тот исследовательский инструментарий, который в наибольшей степени соответствует его научным интересам.

М.М. Минц